

Н. Л. Пушкарёва, Н. В. Новикова

Становление феминистской антропологии

В течение длительного времени исследователи истории полагали, что Прошлое – как, впрочем, Настоящее и Будущее – является общим для обоих полов. Эти взгляды изменил XIX век, отмеченный появлением женщин-социальных антропологов. Статья исследует реакцию мирового гуманитарного знания на вторжение женщин-исследователей в андроцентричную науку и роль женщин-ученых в развитии феминистского проекта в антропологии XX века.

Ключевые слова: женская и гендерная история, феминистская антропология, андроцентризм в науке, теория и методы гендерной антропологии и гендерной этнологии.

N. L. Pushkaryova, N. V. Novikova

Development of Feministic Anthropology

For a long time, historiography had been claiming that the Past as well as the Present and the Future were common for both sexes. These attitudes have been changed with the appearance of women-anthropologists at the beginning of the 19th century. The article reveals responses the humanities have made to this invasion of women-investigators into the androcentric social science and highlights the role of women-scientists for the development of the feminist project in the 20th century anthropology.

Key words: women and gender history, feminist anthropology, women-scientists, androcentrism in sciences, theory and methods of gender anthropology and ethnology.

Народы – социальные группы, сложившиеся в ходе исторического развития общества, осознающие себя членами общности и культуры – веками исследовались с точки зрения общности прошлого и настоящего как мужчин, так и женщин. Казалось бы, этнографам – более чем представителям иных гуманитарных наук – были очевидны различия в социальных статусах, а следовательно, в социальных нормах, ожиданиях, ролях обоих полов в каждой культуре. Им, сравнивавшим образы жизни, повседневность, культурные привычки народов, приходилось постоянно наталкиваться на примеры *различий* между социальным положением и ролями мужчин и женщин. Эти различия описывались. Но, составляя свои описания, этнографы с удивительным постоянством считали «отправной точкой» в исследуемых ими обществах социальные ожидания, роли и статусы мужчин. Именно с их описания начинались все этнологические труды, это они представляли в них «нормой», а обнаруженные примеры несовпадений с нею, относящиеся к женщинам, рассматривались как «отклонение», «аномалия» [15, p. 488].

Сами ученые принимали как должное представление о превосходстве мужского разума над женской эмоциональностью. Это лишь укрепляло существовавшие социальные конвенции. Восприятие женщин как «вторичных» по отношению

к мужчинам, при всем своеобразии их, женских «культур», воспринималось учеными как само собой разумеющееся. Оно сохранялось годами, столетиями в среде как «теоретиков», так и «практиков» [6, p. 117; 30, p. 48].

Зарубежной этнологии XIX в. известны имена не только мужчин, но и женщин-ученых. Проникая разными путями в мужскую профессиональную сферу (чаще всего – как жены миссионеров и путешественников), женщины-этнографы не сразу заявили о своей «особости» как ученых [10, p. 5]. Овладение профессией включало тогда обучение видению мира в «мужской перспективе» [32, p. 49; 11; 12]: и ученые-женщины вплоть до середины 1920-х гг. мыслили принадлежность к биологическому полу как определяющую все социально-половые роли людей. И все же женщины-ученые понемногу вносили свое в *методы* и *проблематику* этнографического исследования – то самое, что было присуще именно им как аналитикам [4; 5].

Так, уже в начале XIX в. женщины-этнографы внесли в изучение повседневного быта народов такие аспекты, которые были практически «закрытой темой» для мужчин. Исследователи-мужчины стремились, собирая информацию, получать ее у социально значимых представителей этносов (у старейшин, вождей, а если изучали представителей каких-то религиозных сект – у

«духовных учителей», носителей власти, сакрального знания). Они изначально считали мужскую роль, функцию, работу более значимыми и подходили к исследованию именно с этим предубеждением, опрашивая женщин, интересуясь их жизнью лишь во вторую очередь. Если им приходилось разговаривать с женщинами-информантками, они трактовали полученные от них сведения в категориях мужского опыта и мужской системы ценностей. Появившиеся же в науке женщины-этнографы заинтересовались такими сторонами жизни, которые для мужчин казались не первостепенно важными – традициями, связанными с менструациями, зачатием ребенка, его вынашиванием, выкармливанием, старением женщин, воспитанием девочек, заготовкой и приготовлением пищи, устройством места для отдыха детей и взрослых.

Кроме того, женщины-этнографы (в США это были Ф. Райт и Х. Мартино, публиковавшие свои работы еще в 1820–1830-х гг.) были среди тех, кто первыми обратил внимание на необходимость этнографического изучения не только «примитивных» народов, чьи традиции и нравы в сопоставлении с европейскими и американскими оценивались как «варварские», но и образа жизни американок, образованных представительниц высшего класса [1; 20; 13. S. 28]. Х. Мартино, объездившая в 30-е гг. XIX в. все Соединенные Штаты, собрала материал о «жизни будуара и кухни» своих соотечественниц, получив информации больше, чем это мог бы сделать исследователь-мужчина. Вывод, к которому она пришла – о том, что мужчины-американцы «забывают» свои демократические убеждения, когда речь заходит об отношении к женщине, – позволил считать Х. Мартино (вслед за Ф. Райт) одной из пионерок феминистских подходов в этнологии [30, p. 48].

Вопрос о значимости изучения «этнологии колонизаторов» наравне с «этнологией колонизируемых» лишь сейчас зазвучал в научном дискурсе. Ведь и российские женщины-этнографы (как правило, дворянки или происходившие из привилегированного сословия) практически не исследовали (с этнографической точки зрения) жизнь своих «сестер» по социальному слою; в советский период исследовательницы всегда «оставляли за бортом» изучение «самих себя» – образа жизни и повседневности представительниц интеллигенции, сосредотачиваясь на «выездах в поле» в деревню, в провинциальные городки. В западной этнологии ситуация была иной, но не

намного. И там тоже не одно столетие этнология и антропология изучали «порабощаемые» или, мягче, «окультуриваемые» народы куда с большим рвением, нежели «этнологию колонизаторов» и, следовательно, неизбежно подтверждали собственные предсказания: положение женщин в незападных культурах чаще всего описывалось исследователями (вне зависимости от пола) как «закабаленное», «угнетенное», поскольку выглядело таким в оценках представителей «просвещенного Запада» [31, p. 8]. Попыткой преодолеть высокомерие исследователя, изучающего жизнь «непросвещенного» и «недостаточно цивилизованного» народа, стал новый шаг феминистского направления в зарубежной этнологии: речь идет о признании женщинами-антропологами ведущим исследовательским принципом «помещение себя вовнутрь» анализируемого предмета (изучить жизнь других женщин, чтобы лучше понять свою).

Первое осуществление такой попытки связывают с событиями более чем вековой давности и с именем Алисы Флетчер – исследовательницы, не один год изучавшей жизнь женщин в племенах американских индейцев («сиу») в конце XIX столетия [18, p. 241]. Своим личным примером А. Флетчер показала перспективность нового (для того, естественно, времени) подхода в этнологии – длительного проживания в исследуемом сообществе, значимости методики, которую ныне именуют «включенным наблюдением», важности глубинных интервью, которые можно получить лишь при условии очень близких, неформальных, длительных повседневных отношений, какие при различии полов ученого и информанта установить не всегда возможно. По сути, это был призыв «всегда, по возможности, говорить, видеть, думать, чувствовать и действовать как член изучаемой культуры, оставаясь в то же время обученным антропологом, явившимся из иной культурной среды» [19, p. 39–41; 7]. Подобный подход известен благодаря Б. Малиновскому, младшему современнику А. Флетчер. Они оказались необычайно созвучными современному мышлению в социальной антропологии, между тем как впервые этот подход был очерчен и предпринят на практике именно женщиной-ученым, изучавшей женские же традиции и ритуалы в небольшом этническом сообществе [29, p. 46].

Для того чтобы осуществлять «помещение себя внутрь изучаемого» (insiding), женщины-этнографы начала XX в. активно включились в

число тех исследователей, которые, помимо собственных наблюдений и их описаний, стали применять методы интервьюирования, схожего с современной «устной историей», и комплексного использования разных типов и видов источников (например, прессы, официальных документов – когда речь шла об «этнологии повседневности» американского или европейского общества). Факты «устной истории» комбинировались с данными иных источников, тем самым перепроверялись гипотезы и догадки, в то время как традиционно действовавшие исследователи строго разделяли виды эмпирического материала (с ним работали этнографы и социологи) и виды исторических источников (их обрабатывали историки).

Первой женщиной-антропологом, предложившей применять этот новый подход, была Елси Парсонс – одна из первых учениц основателя теории культурного детерминизма Франца Боаса, пацифистка, одна из активнейших участниц феминистского кружка в Гринвич Вилладж, основанного в 1912 г. [15, р. 518; 32, р. 170–171]. Именно она первой из антропологов предложила исследовать особенности материнского воспитания, отношения к женским проблемам (менструальным запретам, старению и климаксу) в разных культурах, причем не абстрагируясь от собственного опыта (как обычно призывали делать для «объективности» любого исследователя), но – напротив! – настоятельно включая его в круг антропологического рассмотрения. Так родились ее книги – «Семья» (1906), «Женщины старых правил» (1913), «Общественный закон» (1916) – сделавшие Е. Парсонс заметной фигурой в кругу ведущих американских антропологов 1920-х гг. (она много и часто публиковалась в «American Anthropologist», «Men» и др.) [25; 26; 24; 27, р. 765; 23, р. 168]. Задолго до К. Леви-Стросса и развившей его идеи Г. Рубин Е. Парсонс высказала догадку о причинах принудительной гетеросексуальности любого общества, написав: «Женщины – это важнейшая статья примитивной торговли» [26, р. 192–202, 296–297]. Любопытно, что причиной универсальности мужского доминирования и женского подчинения в большинстве культур Е. Парсонс считала «всеобщность страха перед инновациями и нелюбви к необычному» [22, р. 119] и призывала «создавать новые стандарты и ставить новые задачи». С точки зрения историографа важно подчеркнуть: описанные выше исследования женщин-этнологов вообще и кросс-культурные очерки Е. Парсонс, в

частности, публиковались в период дезинтеграции женского движения, его «незаметности» на фоне мировых социально-политических потрясений. Работы Е. Парсонс были особой «феминистской пропагандой с помощью этнографических приемов» [8, р. 37, 163; 9, р. 354].

Современные американские феминистки настаивают на том, что именно женщины-исследовательницы были первыми, кто сделал вышеописанные революционные для теории полевых исследований шаги.

Еще одна подвижка в этой области относится к середине 1920-х гг. Именно тогда Х. М. Линд и Ф. Вильямс догадались взять в качестве объекта наблюдения над жизнью одних только женщин в обычном американском городе, которому дали сводный псевдоним Middletown («Среднегородск»). Но вклад этот «остался незамеченным» [17; 30, р. 288], а успехи – как это часто случилось в мировой истории науки, – оказались приписанными их мужьям или коллегам, якобы раньше них догадавшимся использовать подобные подходы к тематике и источникам.

Не удивительно, что первая из женщин-этнографов, сумевшая поставить под сомнение «природность» и «естественность» распределения социальных ролей между мужчинами и женщинами – знаменитая Маргарет Мид, автор 25 книг, удостоенная в 1949 г. звания Выдающейся Женщины года в области науки – не имела официальной ставки в Колумбийском университете, где проработала всю жизнь. М. Мид, которую теперь нередко именуют «символом этнографии» и даже «Матерью Мира», отнюдь не сразу оказалась признанной мужским научным сообществом [2, с. 373; 3, с. 398–399]. Она включилась в научные исследования в 1920-е гг., когда в мировой науке развернулась ожесточенная полемика между сторонниками детерминизма биологического (бывшего подкреплением для расистских теорий) и прогрессивно-либеральной школой детерминизма культурного (Ф. Боас), защитницей которого вслед за своим учителем Ф. Боасом была, как мы помним, Е. Парсонс. Однако М. Мид не была близка ее идеям и пошла дальше и ее, и всех своих учителей, поставив вопрос о соотношении «индивидуального» и «культурного». От экспедиции к экспедиции (М. Мид отдала всю жизнь описательной антропологии «примитивных» народов, о чем говорят названия ее работ: «Взросление на Самоа», «Как растут на Новой Гвинее» и др.), от книги к книге росла убежденность исследовательницы в том,

что отношения полов в любых из проанализированных ею сообществах являлись не заданными природой, а социально и культурно сконструированными.

Свои гипотезы, переросшие в твердые, подкрепленные фактами убеждения, М. Мид изложила в книге «Пол и темперамент в трех примитивных обществах» (1935) и, в особенности, в обобщающем труде «Мужчина и женщина: изучение полов в изменяющемся мире» (1949). Эти работы были революционным прорывом, обогнавшим историю науки, а потому, по словам самой М. Мид, оказались «самыми непонятыми» [21, р. IV]. В них исследовательница настаивала на социальной природе родительских чувств (причем не только отцовства, но и материнства, которому всегда приписывалась «инстинктивность» и «природность»), социально-культурной обусловленности распределения родительских и семейных ролей между мужчинами и женщинами, социальной основе психологических механизмов формирования половой идентичности у детей. В этих книгах М. Мид впервые в этнологии пола было показано, какую огромную роль играют в любом обществе стереотипы феминности и маскулинности («социальные установки относительно темперамента в связи с фактами половых различий» – в терминологии М. Мид). Убедительность и простота изложения (М. Мид всегда выступала против «упаковывания» – ее термин – новых теорий в «жаргон, понятный лишь специалистам») привлекли внимание массы исследователей, и тотчас в адрес исследователя-новатора полетели упреки в «забывании» и «недооценке» биологического субстрата.

Однако исследовательница была непоколебима. «Многие, если не все, личностные черты, которые мы называем маскулинными или феминными, имеют не биологическую, а социальную природу, – писала она. – Стандартизированные личностные различия... являются порождениями культуры, требованиям которой учится соответствовать каждое новое поколение мужчин и женщин» [21, р. 191]. Современные этнологи, антропологи и этнопсихологи, признавая теоретическую значимость и фактическую обоснованность многих гипотез М. Мид, касающихся пола и формирования половой идентичности, подчеркивают, однако, что не только культура (особенно в традиционной ее части), но и социум в целом, различные сферы социальной деятельности оказывают влияние на воспроизводство гендерных стереотипов, по которым по-прежнему «учатся»

быть мужчинами или женщинами новые и новые поколения.

В то же время методы работы М. Мид нередко вызывают критику у современных ее последовательниц [3]. В отличие от предшественниц, М. Мид, живя в Африке и на о. Самоа, поселялась в домах знакомых американцев, а не у туземцев; вопрос о репрезентативности собранных ею рассказов информанток перед ней не стоял [4, с. 416]. Весьма скептически исследовательница относилась и к анализу влияния общественно-производственных и политических структур на гендерные стереотипы и роли, поскольку настаивала более на культурной, нежели на социальной детерминации наблюдаемых ею явлений. Однако эти упреки не изменяют оценки трудов М. Мид как пионерских. Без них не были бы рождены многие труды ее современниц – прежде всего работы Ф. Каберри (первой усомнившейся в «униженности» женщин у австралийских аборигенов) [14]. Однако сама М. Мид не считала свои работы как-либо связанными с феминистской теорией или практикой и прямо писала, что ей не хотелось бы, чтобы ее труд «Пол и темперамент» рассматривали как «основание для феминистских идей» [21, р. VIII]. Она оставалась верной продолжательницей своего учителя Ф. Боаса с его концепцией культурного детерминизма.

Библиографический список

1. Гапова, Е. И. Гендерная проблематика в антропологии [Текст] / Е. И. Гапова // Введение в гендерные исследования. Т. I. – СПб. : Алетей, 2001. – С. 14–31.
2. Кон, И. С. Маргарет Мид и этнография детства [Текст] / И. С. Кон // Мид М. Культура и мир детства. – М. : Наука, 1988. – С. 390–399.
3. Пушкарева, Н. Л. Историческая феминология в России: состояние и перспективы [Текст] / Н. Л. Пушкарева // Общественные науки и современность. – 2003. – № 6. – С. 164–173.
4. Пушкарева, Н. Л. Как заставить заговорить пол? [Текст] / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 15–21.
5. Пушкарева, Н. Л. Феминистский вызов новейшей этнологии и антропологии [Текст] / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 4. – С. 39–51.
6. Clifford J. On Ethnographic Authority // Representations. – 1983. – № 2. – P. 117–146.
7. Cole S, Phillips L. (eds.) Ethnographic Feminisms. – Ottawa : Carleton University Press, 1995.
8. Cott N. The Grounding of Modern Feminism. – New Haven : Columbia University Press, 1987.
9. Deacon D. Elsie Clews Parsons. Inventing Modern Life. – Chicago : University Of Chicago Press, 1997.

10. Di Leonardo M. Gender at the Crossroads of Knowledge: Feminist Anthropology in the Postmodern Era. – Berkley & Los Angeles: University of California. Ember, 1991.
11. Harding S. (ed.) Whose Science? Whose Knowledge: Thinking from Women's Lives. – Buckingham : The Society for Research into Higher Education and Open University Press, 1991.
12. Hoecker-Drysdale A. H. Martineau: Kritische Socialforschung: Theorie und Praxis // Honegger C. , Wobbe Th. Frauen in der Sociologie. – München : Beck, 1998. S. 28–60.
13. Kaberry Ph. Aboriginal Woman. – New York : Routledge & Kegan Paul, 1939.
14. Lamphere L. Feminist Anthropology: the legacy of Elsie Clews Parsons // American Ethnologist. – 1989. Feb. – V. 16(3). – P. 518–533.
15. Lamphere L. Gender [Текст] // Levinson D. , Ember M. (eds.) Encyclopedia of Cultural Anthropology. – Vol. 2. – New York : Holt. Haas J. , 1996. – P. 488–493.
16. Lynd R. S. , Lind H. M. Middletown. A Study of American Culture. – New York : Harcourt, 1929.
17. Mark J. A Stranger in Her Native Land: Alice Fletcher and the American Indians. – Lincoln (NE), 1988.
18. Mark J. Alice Fletcher // Mark J (ed.) Four Anthropologists: An American Science in its Early Years. – N. Y. , 1980.
19. Martineau H. Society in America. – N. Y. , 1837.
20. Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. – N. Y. , 1950.
21. Parsons E. C. Fear and Conventionality. – N. Y. , 1914.
22. Parsons E. C. Mothers and Children in Zuni // Man. – 1919. – V. 19. – P. 168–173.
23. Parsons E. C. Social Rule: A Study of the Will to Power. – New York, 1916.
24. Parsons E. C. The Family: An Ethnographical and Historical Outline. – New York, 1906.
25. Parsons E. C. The Old Fashioned Woman: Primitive Fancies About the Sex. – New York, 1913.
26. Parsons E. C. Higher education of women and the family // American Journal of Sociology. – 1909. – № 14 (6). – P. 758–765.
27. Pine F. Gender // Barnard A. , Spencer J. (eds.) Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology. – N. Y. : Routledge, 1996. – P. 765–766.
28. Powdermaker H. Field Work // Sills D. L. (ed.) International Encyclopedia of the Social Sciences. – New York : Macmillan and Free Press, 1972.
29. Reinartz S. , Davidman L. (eds.) Feminist Methods in Social Research. – Oxford : Oxford University Press, 1992.
30. Reiter R. Introduction // Reiter R. (ed.) Towards the Anthropology of Women. – New York : McGraw Hill, 1975. – P. 1–7.
31. Rosenberg R. Beyond Separate Spheres: Intellectual Roots of Modern Feminism. – New Haven : Yale University Press., 1982.
32. Slokum S. Woman The Gatherer: Male Bias in Anthropology // Reiter R. (ed.) Toward an Anthropology of Women. – New York : McGraw Hill, 1975. – P. 49–57.
33. Visweswaran K. Histories of Feminist Ethnography // Annual Review of Anthropology. – 1997. – V. 26. – P. 591–621.